

УДК: 342.72/.73:351(410:4)

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-2-181-189

**МОДАЛЬНОСТЬ И СРАВНЕНИЕ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ
И АНГЛОСАКСОНСКОЙ МОДЕЛЕЙ ПОСТРОЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКИХ
ОТНОШЕНИЙ**

Шульга Р. Р.

Донецкий национальный технический университет

Раскрыты особенности становления современной отечественной республиканской модели государственного регулирования гражданских отношений. Сделан вывод о том, что современная система государственного регулирования гражданских отношений, отраженная в отечественном законодательстве, имеет ярко выраженные черты континентальной правовой семьи. Проведен анализ отличительных характеристик регулирования гражданско-правовых отношений в континентальной и англо-саксонской правовых системах. Выделены общие черты и различия построения системы государственного регулирования гражданских отношений в этих системах. Установлено, что для отечественной практики наиболее утилитарными особенностями континентальной правовой системы являются: кодификация законодательства, выделение отдельных институтов в гражданском праве, разделение категорий «собственность» (характеристика вещей) и «владение» (характеристика процесса). Раскрыты особенности утилитарности и ценности судебного прецедента как элемента регулирования гражданских отношений. Доказана ценность судебного прецедента как наиболее оперативного и мобильного инструмента регулирования гражданских отношений через корректировку правовой действительности. Определена частичная допустимость его применения в отечественной практике регулирования гражданских отношений.

Ключевые слова: гражданские правоотношения, государственное регулирование, континентальная правовая семья, англо-саксонская правовая семья, судебный прецедент, кодификация законодательства, право собственности, гражданско-правовые институты, частное право, публичное право.

Становление любой правовой системы является эволюционно сложным процессом, который происходит в условиях развития государственности на протяжении длительного периода. Новые государства, развиваясь из существующих или на основе исторических традиций, как правило, принимают и применяют сложившиеся условия регулирования общественных отношений во всех сферах. Развиваясь на основе системы права континентальной модели практически не возможно перейти сразу же на систему общего права или иной другой правовой семьи. Поэтому эволюция нормативно-правового обеспечения общественно-политических и социально-экономических процессов имеет не только исходные условия, но и определенные направляющие тренды, которые раскрываются в общих основах, базисных принципах построения системы государственного и правового регулирования.

На конкретном отечественном примере, можно увидеть, что современной правовой системе присущи в большей степени и подавляющим образом черты континентальной правовой семьи. Это объясняется следующим:

- наследие украинского законодательства, которое в полной мере отображает систематику, модальность и сущность механизмов правового регулирования, присущих романо-германской или континентальной модели;

- развитие современного отечественного законодательства ориентируется на российскую правовую систему, которая также отвечает всем принципам и требованиям континентальной правовой семьи;

- традиций российской и украинской правовой мысли, присущи современной интеллектуальной элите, трансформировались в условиях потребностей становления собственной государственности, но в полной мере отражают доктринальные подходы, характерные для науки гражданского права большинства стран с континентальным правом.

Все описанное выше делает объективно необходимым дальнейшее развитие отечественной правовой системы именно на принципах романо-германской (континентальной) правовой семьи. Вместе с тем, следует отметить и тот факт, что процессы интернационализации правового регулирования отдельных общественно-политических и социально-экономических отношений, интеграционные процессы, а также становление новых моделей гражданских правоотношений – все это повышает уровень потребностей в поиске оптимальных, прогрессивных и эффективных моделей правового регулирования. Это обуславливает поиск подобного опыта в зарубежных правовых системах, заимствование наиболее успешных инструментов и механизмов государственного регулирования, в том числе и тех, которые развивались в условиях англосаксонского права.

Подобное заимствование не свидетельствует о бедности и ограниченности способов правового регулирования в континентальном праве, а является объективной потребностью современных гибких систем государственного регулирования общественных отношений, особенно в сфере гражданских правоотношений, которые развиваются на принципах рациональной эволюции. Иными словами заимствование даже из опыта правового регулирования англосаксонского права способствует решению наиболее острых проблем, прежде всего из-за того, что подобный опыт открывает новые горизонты восприятия и понимания правовой действительности, а, следовательно, и новые возможности для правоприменительной практики.

Так, например Саидов А. Х. в своем фундаментальном труде о сравнительном правоведении утверждает, что англосаксонская правовая семья в отличие от романо-германской, в сфере регулирования гражданских отношений имеет ряд отличительных сторон: «ярко выраженная казуистичность правового регулирования, которая выражается в доминировании норм процессуального права, а также в нормотворческой силе судебного прецедента. Нормы материального права не имеют надлежащей систематизации, что определено отсутствием институционального подхода в выделении отдельных сегментов правового регулирования, которые в континентальной правовой семье получили название институтов» [4, с. 242-246]. Это усложняет определение методов и способов регулирования правоотношений, но существенно расширяет возможности для защиты гражданских прав.

Зайков Д. Е. утверждает, что различия в системах континентального и англосаксонского права заключаются в том, что «в англосаксонском праве особую правотворческую функцию играют органы судебной власти, посредством вынесения решений, формирующих судебный прецедент. По большому счету именно постоянная динамика правотворчества нивелирует необходимость кодификации законодательства, что является сильной чертой права континентального. При этом кодификация способствует выделению таких крупных отраслей как права публичного и частного, что не свойственно англо-саксонской правовой семье» [2]. Подобные различия свидетельствуют о том, что англосаксонская система права отмечается большей мобильностью принятия правовых норм, и оперативностью нормативно-правового регулирования общественных отношений. Особенно такая оперативность необходима в сфере гражданских правоотношений.

При этом для целей исключительно гражданского права, и в частности – вещного права, отмечается следующая особенность англосаксонского права. «Англосаксонскому праву присуще разделение объектов собственности, но в отличие от континентального права, такое разделение касается одновременно предметов материального мира – вещи – и объектов нематериального мира – права. При этом собственность определяется в англо-саксонском праве как совокупность действий направленных на владение, пользование и распоряжение вещами, что воплощается в реализацию вещных прав» [6, с. 122]. Такой упрощенный подход существенно облегчает процесс защиты и реализации права собственности от дополнительных правовых конструкций. Это дает необходимую скорость реализации гражданских прав, а как следствие – скорость гражданского оборота. Его интенсификация способствует максимальному использованию потребительских качеств вещей, что делает такой оборот максимально утилитарным и рациональным.

Более того, подобный способ закрепления института собственности в англосаксонском праве отвечает потребностям прецедентного права, когда правоприменительная практика, во многом определяет источники права. Это придает дополнительной динамики процессам правового регулирования взаимоотношений направленных на реализацию права собственности.

Саидов А. Х. в этой связи отмечает, что ценность романо-германской правовой семьи в том что «она имеет очень четкое отраслевое деление, что обуславливает наличие соответствующих и во многом уникальных методов правового регулирования, присущих только конкретным отраслям права. Например для гражданского права присущ исключительно диспозитивный метод права, с лишь небольшими элементами императивного, который раскрывается в четком законодательном определении вещей, которые исключены из гражданского оборота» [4, с. 192-196]. С точки зрения подходов англо-саксонского права гораздо эффективнее дополнять перечень исключенных или ограниченных, а гражданском обороте вещей путем соответствующей правоприменительной практики. Это позволит гораздо оперативнее регулировать общественные отношения, в силу быстрого появления новых средств и предметов, которые могут и должны быть исключены из гражданского оборота.

Кроме того, именно англо-саксонское право позволяет накладывать ограничения в обращении конкретных вещей конкретными лицами. Это повышает и защищенность имущественных прав, и эффективность регулирования гражданских от-

ношений в тех секторах, где существует необходимость исключения случайностей во владении и распоряжении отдельными вещами.

При этом, нельзя оставлять без внимания замечание Федотова Д. В. о том, что «в англосаксонском праве допускается возникновение одного права с целью беспрепятственной реализации другого» [7, с. 27-30]. Речь идет о том, что реализация лицом своих гражданских прав приводит к приобретению новых прав, которые приращиваются за счет вольной реализацией стороной своей правосубъектности. Подобная ситуация возможна из-за отсутствия четкого деления гражданского права на институты, ограничивающие регулируемые соответствующими нормами правоотношения.

Иными словами, обращает на себя внимание то обстоятельство, что англосаксонскому праву практически не известны безобъектные права, а это означает, что вся система правового регулирования гражданских отношений вращается не вокруг безусловного права человека, а вокруг конкретного правового титула вещей, которым данное лицо может и хочет владеть.

Подобная особенность важна, если говорить не о родовых признаках вещей, т.е. определять характер правоотношений не вокруг общности предметов материального мира, а совершенно конкретного предмета, конкретной индивидуально определенной вещи, владение которой порождает спор между различными лицами и в том числе между частными лицами и государством.

Важным элементом модели нормативно-правового обеспечения гражданских отношений в романо-германской правовой семье является наличие кодифицированных актов, которые содержат в себе нормы, регулирующие отдельные гражданско-правовые институты. Структура таких актов и их содержание демонстрирует характер правопонимания законодателем сущности отношений, выстраиваемых на основе модели правового статуса их участников. Правовой статус детерминируется в зависимости от конкретного вида правоотношений. Иными словами в любой сфере, где предмет правового отношения будет отличаться, соответствующие отличия будут иметь и правовой статус лиц. Это позволяет судам более четко и определенно выносить решения, основываясь на комплексе дозволительных и ограничительных мер и процедур предусмотренных правовым статусом лица – участника гражданских правоотношений.

При этом по мнению Лесафера Р. такое правопонимание напрямую связано с особенностями развития юридической техники. «Юридическая техника позволила разделить само восприятие текстов в зависимости от структуры их изложения и философской значимости для конкретного случая. Англо-саксонское право тесно связано с процессом познания мира, а правовые конструкции являются способом совершенствования тех или иных природных процессов, проистекающих между субъектами правоотношений. Отсюда и значимость прецедента, который является способом коррекции правовой действительности» [8, с. 428-433]. Континентальная школа правовой мысли следовала латинским традициям, в то время как англосаксонская – вбирала в себя определенную совокупность характеристик латинской (римской) и английской культур, что определилось в рационализации текстов.

Ученый утверждает, что метод систематизации является определяющим при оставлении нормативно-правовых актов. Так, в странах романо-германской правовой семьи изменения в кодифицированные акты вносятся путем изменения отдель-

ных конкретных норм, при этом сам акт остается в редакции, в которой он был принят в целом. Это делает громоздкой саму процедуру правового регулирования, а происходит это из-за особенности модели правопонимания – считается, что внесение изменений в существующий законодательный акт, должно происходить исключительно при участии субъекта принимающего данный акт, т.е. законодательным органом.

Метод инкорпорации, широко применяемый в англоязычных странах демонстрирует иной подход, который заключается в расширении возможных способов регулирования поведения путем добавления к существующим модусам поведения новых, установленных, как правило, в судебном порядке и имеющих форму судебных прецедентов.

В таком случае юридическая техника исходит к основам правопонимания – гносеологии права и герменевтики правовых текстов. Сущность эволюции двух систем демонстрирует утилитарность обеих, а также источник их происхождения и развития.

В этой связи Гарске Д. демонстрирует утилитарность обеих систем через гражданско-правовые отношения в сфере производства и торговли. Так, по мнению ученого разделение римского права осуществлялось в зависимости от тех потребностей, которые выдвигались экономическими, социальными и политическими условиями, доминирующими в обществе. Учитывая, что промышленная революция впервые пришла именно на Европейский континент (Голландия XV-XVI вв.), то именно для обслуживания потребностей данного процесса и было направлена законодательное внимание парламентов.

Поэтому первичное становление наблюдается относительно романо-германской правовой системы. Она эволюционировала исходя из потребностей образования и интерпретации правовой культуры римского права перекладывая на правовую действительность европейского быта. Цель была регулировать взаимоотношения индивидуумов. В то же время англо-саксонская правовая система является вторичной и основана на регулировании оборота вещей, как собственности, институт которой является неприкасаемым и нерушимым в системе демократических ценностей. [1, с. 14-18]. Данный подход раскрывает утилитаризм, с которым связаны различия между анализируемыми правовыми системами, а поэтому в отечественных условиях становления государственного регулирования гражданских отношений следует принять во внимание следующие факторы:

- во-первых, развитие законодательного обеспечения гражданских отношений должно отвечать социально-экономическим потребностям общества;
- во-вторых, современная система нормативно-правового обеспечения гражданских отношений должна отличаться простотой и эффективностью, что исключает громоздкость и сложность процедур правотворчества и правоприменения;
- в-третьих, правоприменительная практика должна иметь соответствующий смысл, который должен выходить за пределы значимости конкретных решений судов для конкретных правовых споров.

В то же время Семененко В. А. на примере анализа различий в регулировании финансового рынка в континентальной (романо-германской) и англо-саксонской правовых семьях делает вывод о неадекватности правового регулирования по-

следней. В англо-саксонской правовой системе основной акцент при реализации участниками гражданских отношений своих прав, смещается в сторону получения максимальной и быстрой выгоды от тех или иных сделок или способов реализации прав [5, с. 65-68].

Данный вывод ученого дает все основания сделать собственный относительно того, что англо-саксонская модель государственного регулирования гражданских отношений направлена на создание приоритетно краткосрочных моделей гражданского оборота. Это способствует к увеличению обращаемости вещи, повышению полезности от использования ее потребительских свойств, но вместе с тем создает прецедент ограниченности стратегического правового регулирования. С одной стороны это хорошо, поскольку отличие длительных стратегий не ограничивают ожидания развития отрасли. Но с другой стороны, отсутствие стратегических документов является серьезным недостатком любой системы государственного управления.

Что касается современной отечественной системы государственного регулирования гражданских отношений, то в условиях создания собственного республиканского законодательства необходимо, прежде всего, разработать и принять Стратегию государственной правовой политики. Данная стратегия должна отображать последовательность и сроки изменения законодательства, алгоритм принятия новых нормативно-правовых актов, а также последовательность выведения устаревающих законов и нормативно-правовых актов. Такая Стратегия должна отвечать потребностям республиканского развития и содержать готовые решения относительно использования тех или иных норм, заимствованных из украинского, российского и иного законодательства. Она придаст целостности законотворческой деятельности Парламента, а также существенно систематизирует и упорядочит правоприменительную практику Правительства, определяя пределы и сроки возможного обращения к зарубежному законодательству в процессе регулирования тех или иных внутривосударственных процессов.

Подобная Стратегия невозможна в странах англо-саксонского права, однако она может и, на наш взгляд, должна содержать ряд принципиальных положений и моделей государственного регулирования гражданских отношений в отечественной практике. В частности речь идет о повышении роли и значимости судебного прецедента. Объективно – это самый оперативный и довольно эффективный способ исправления ошибок и неточностей правового регулирования, который позволяет одновременно разрешать правовые конфликты и вносить изменения не только в правоприменительную но и праворегулирующую практику. Кроме того, судебный прецедент является еще и важным инструментом корректировки правовой действительности, что уусловиях становления модели государственного регулирования гражданских отношений позволит на законодательном уровне закреплять те успешные механизмы регулирования, которые были выработаны судом в процессе постановления правовых позиций.

Любопытный вывод относительно различия континентальной и англосаксонской правовых традиций в сфере регулирования гражданских отношений делает Матвеев А. Г..

Так, ученый утверждает, что «англо-саксонская система практически не признает личные неимущественные права граждан, пытаясь все определить в качестве предмета правового регулирования, материализовав хоть в какой то форме. Поэтому

защита личных неимущественных прав во многом осуществлялась за счет судебного прецедента. Во многом это объяснило его утилитарность, и потому является доказательством возможности и допустимости его применения в качестве источника права [3, с. 16-18]. Это важный вывод, поскольку неимущественные права имеют закрепление в виде отдельного гражданско-правового института только в континентальном праве, хотя он и ограничен возможностью применения судебной практики. Однако его систематизация существенно расширяет возможность реализации участниками гражданских отношений своих личных неимущественных прав, в том числе и права на защиту собственных интересов.

Важным в этой связи является тот факт, что имущественные права в англосаксонской правовой системе не имеют такого четкого закрепления, хотя правовые механизмы защиты со стороны государства гораздо эффективнее чем в континентальной. Это происходит от того, что англо-саксонская правовая семья получила свое развитие во многом благодаря активной роли судов и судей, которые совмещали очень часто обязанности судей, как лэнд-лорды, и как представители Палаты Лордов в этом же статусе. Иными словами подобное совмещение или сращивание судебной и законодательной власти через конкретных лиц их отождествляющих, привело к проникновению опыта правоприменительной практики в способы правового регулирования гражданских отношений посредством нормотворчества. Континентальная правовая семья наоборот, рассматривает судебную ветвь власти как механизм института сдержек и противовесов, но не как средство устранения коллизий и пробелов в праве.

Подводя итоги сравнительного анализа континентальной и англосаксонской моделей построения государственного регулирования гражданских отношений, следует сделать ряд выводов.

Во-первых, учитывая особенности становления отечественной системы законодательного обеспечения гражданских отношений, необходимо придерживаться общей традиции континентального права в части: формирования Стратегии государственной правовой политики, которая позволит систематизировать и структурировать процессы изменения законодательства; кодификации гражданского законодательства на основе украинского и российского законодательств, применяя юридическую технику присущую континентальной правовой модели, что позволит на уровне доктрины гражданского права и практического воплощения на уровне законодательства более четко и емко формировать отраслевое законодательство; детализировать законодательное закрепление неимущественных прав, в том числе на основе правового статуса лица в конкретных отношениях, который будет изменяться в зависимости от предмета таких отношений.

Во-вторых, анализ англо-саксонской модели правового регулирования гражданских отношений продемонстрировал допустимость и целесообразность как минимум рассмотрения вопроса об использовании судебного прецедента в качестве источника права. Правоприменительная практика судебных органов отличается высоким уровнем оперативности, утилитарность и эффективности регулирования разрешаемых правовых конфликтов. Подобные черты могут стать серьезным инструментом оперативного регулирования гражданских отношений путем дополнения или изменения существующего законодательства в случае наделения судебных ор-

ганов полномочиями в сфере нормотворчества. При этом такими судебными органами должны стать лишь высшие судебные инстанции в иерархии судебных органов соответствующей инстанционной юрисдикции.

В-третьих, необходимо рассмотреть возможность регулирования гражданских отношений в зависимости от правового режима конкретной вещи, что позволит ограничивать ее гражданский оборот путем вынесения запретительного постановления соответствующим органом государственной власти (главным образом судебной системы). В условиях активных боевых действий подобный инструмент регулирования ограничения гражданского оборота, характерный для стран англосаксонского права, имеет более высокую эффективность, чем определения на законодательном уровне перечня предметов охватываемых родовыми признаками. Однако в условиях становления государственности подобный, более индивидуализированный подход, отличается точечной эффективностью, поскольку не всегда вещь, ограничение гражданского оборота которой требует государственный интерес, может подпадать под родовые признаки уже ограниченных в гражданском обороте на законодательном уровне вещей.

Список литературы

1. Гарске, Д. Англосаксонская правовая культура в условиях глобализации: государство, корпорации, технологии / Д. Гарске. – Текст : непосредственный // Век глобализации. – 2017. – № 1 (21). – С. 3-20.
2. Зайков, Д. Е. История государства и права зарубежных стран / Д. Е. Зайков. – М. : Юриспруденция, 2008. – 424 с. – Текст : непосредственный
3. Матвеев, А. Г. Некоторые сравнительно-правовые аспекты англо-американской и романо-германской концепций авторского права / А. Г. Матвеев. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета (Серия:Юридические науки). – 2019. – Выпуск 4 (6). – С. 16-25.
4. Саидов, А. Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности) : [под ред. В. А. Туманова] / А. Х. Саидов. – М. : Юристъ, 2003. – 448 с. – Текст : непосредственный.
5. Семенов, В. А. Германская и англосаксонская финансовые модели в мире и в России / В. А. Семенов. – Текст : непосредственный // Вестник экономики, права и социологии. – № 2. – 2008. – С. 64-71.
6. Туктаров, Ю. Е. Оборотоспособные права (сравнительное исследование) / Ю. Е. Туктаров. – Текст : непосредственный // Объекты гражданского оборота: сб. ст. : [отв. ред. М. А. Рожкова]. – М., 2007. – С. 120-132.
7. Федотов, Д. В. Учение о бестелесном имуществе в англосаксонской правовой системе / Д. В. Федотов. – Текст : непосредственный // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2012. – № 1. – С. 26-32.
8. Lesaffer, R. European Legal History / R. Lesaffer. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 540 p.

Shulga R. R. Modality and comparison of continental and Anglo-Saxon models for state regulation of civil relations / R. R. Shulga // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 2. – P. 181-189.

There were disclosed the main features of the formation of the modern domestic republican model of state regulation of civil relations. It was concluded that the modern system of state regulation of civil relations, reflected in domestic legislation, has pronounced features of a continental legal family. It was made the analysis of the distinctive characteristics of the civil law relations regulating in the continental and Anglo-Saxon legal systems. The general features and differences in the construction of a system of civil relations and its state regulating in were investigated. It was established that for domestic practice of civil relations state regulating, the most utilitarian features of the continental legal system are: codification of legislation, separation of individual institutions in civil law, separation of the categories “property” (characteristic of things) and “ownership” (characteristic of the process). There were disclosed the main aspects of utilitarianism and the value of

judicial precedent as an element of the civil relations regulating. It was proved the value of judicial precedent as the most operational and mobile instrument for regulating civil relations through the adjustment of legal reality. It was determined the partial admissibility of its application in domestic practice of the of the civil law relations regulating.

Keywords: civil relations, state regulation, continental legal family, Anglo-Saxon legal family, judicial precedent, codification of legislation, property law, civil law institutions, private law, public law.

Spisok literatury`

1. Garske, D. Anglosaksonskaya pravovaya kul'tura v usloviyax globalizacii: gosudarstvo, korpora-cii, texnologii / D. Garske. – Tekst : neposredstvenny`j // Vek globalizacii. – 2017. – № 1 (21). – S. 3-20.
2. Zajkov, D. E. Istoriya gosudarstva i prava zarubezhny`x stran / D .E. Zajkov. – M. : Yurispruden-ciya, 2008. – 424 s. – Tekst : neposredstvenny`j
3. Matveev, A. G. Nekotory`e sravnitel`no-pravovy`e aspekty` anglo-amerikanskoj i romano-germanskoj koncepcij avtorskogo prava / A. G. Matveev. – Tekst : neposredstvenny`j // Vestnik Perm-skogo universiteta (Seriya:Yuridicheskie nauki). – 2019. – Vy`pusk 4 (6). – S. 16-25.
4. Saidov, A. X. Sravnitel`noe pravovedenie (osnovny`e pravovy`e sistemy` sovremennosti) : [pod red. V. A. Tumanova] / A. X. Saidov. – M. : Yurist`, 2003. – 448 s. – Tekst : neposredstvenny`j.
5. Semenenko, V. A. Germanskaya i anglosaksonskaya finansovy`e modeli v mire i v Rossii / V. A. Semenenko. – Tekst : neposredstvenny`j // Vestnik e`konomiki, prava i sociologii. – № 2. – 2008. – S. 64-71.
6. Tuktarov, Yu. E. Oborotosposobny`e prava (sravnitel`noe issledovanie) / Yu. E. Tuktarov. – Tekst : neposredstvenny`j // Ob`ekty` grazhdanskogo oborota: sb. st. : [otv. red. M. A. Rozhkova]. – M., 2007. – S. 120-132.
7. Fedotov, D. V. Uchenie o bestelesnom imushhestve v anglosaksonskoj pravovoj sisteme / D. V. Fedotov. – Tekst : neposredstvenny`j // E`lektronnoe prilozhenie k «Rossijskomu yuridicheskomu zhurnalu». – 2012. – № 1. – S. 26-32.
8. Lesaffer, R. European Legal History / R. Lesaffer. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 540 r.